An aerial photograph of a village in a lush green landscape. A river flows through the center, with several small ponds and streams branching off. The houses are clustered along the riverbanks, and the surrounding area is filled with dense green trees and fields. The sky is clear and blue.

Ильичёва
Софья Анфимовна

Страницы
моей жизни

село Новое
2022 год

УДК 82-31

ББК 84 (2Рос=Рус) 6

И-46

6+

Ильичёва, С. А.

Страницы моей жизни/С. А. Ильичёва. – Дубрава: Дубравская сельская библиотека имени Д. С. Калинина. – 2022. – 22 с.: ил.

Опубликовано по рукописи Софьи Анфимовны Ильичевой с комментариями ее дочери Светланы Борисовны Корниловой (Ильичевой) и старосты села Новое Демидовой (Жарковой) Галины Александровны. Используются фотодокументы из семейного архива, а также из архива Дубравской сельской библиотеки имени Д. С. Калинина

Сегодня, спустя 42 года со дня смерти моей мамы Ильичёвой Софьи Анфимовны, я держу в руках тетрадь, написанную её рукой. В этой рукописи рассказ о её детстве, отрочестве и о родном селе Новое. К сожалению, мама не закончила своё повествование. Тяжёлая болезнь прервала все её жизненные планы. Три года она мужественно боролась с недугом и всегда говорила: «Я сильная, я справлюсь!»

Мама ушла так рано... Ей был всего 51 год. Я помню её рассказ о трудном детстве. После смерти родителей на её попечении остались две малолетние сестрёнки. Ей самой-то было всего 12 лет, Зое было 10, а младшей Валюше 5 лет. Им в родительском доме после раскулачивания был выделен уголок, где они и обитали вместе с козой Машкой. Пока было молоко, они хоть как-то держались. Сиротам помогали односельчане. Но случилась беда – умерла коза Машка. Мама рассказывала, как тяжело они пережили смерть кормилицы... Настали ужасные голодные дни и ночи. Мама с Зоей ещё как-то держались, а как было объяснить маленькой Валюше, что хлебушка и молочка нет? А она постоянно просила поесть...

С нетерпением ждали весны – бугры покрылись зеленью, и они с котомками собирали «пестушки» или «песты». Ходили по полям перед пахотой, собирали гнилую картошку... Зато осень была «сытной». Множество яблок, слив, вишен! Ходили в лес за орехами. И вот в один из таких походов случилась беда – мама, взобравшись на орешник, упала спиной на пенёк... Паралич нижних конечностей... Год лежала дома недвижимая... А как они выживали – одному Богу известно... Потом приехал её родной по матери брат Николай и увёз Соню в Горький, в больницу. Как врачи поставили маму на ноги, мне неизвестно, но через 2 года она вернулась в родное село. И как велико было желание 16-летней Сони учиться! Полураздетая, полуголодная она пришла в 7 класс и села за парту вместе с 12-летними. Училась она только на отлично!

По окончании школы всё село собирало Соню в Кострому в педагогический институт, который она закончила с красным дипломом. К тому времени у её сестрёнок тоже всё более или менее сложилось. Зоя вышла замуж, а младшая Валюша уехала в Горький в ремесленное училище.

После окончания педагогического института её распределили на Дальний Восток, где она проработала 14 лет преподавателем русского языка и литературы. Там же родились и мы с братом. В 1967 году мы всей семьёй переезжаем в Горьковскую область, село Новое (её родное село), где ей предложили место директора школы. Ни секунды мама не раздумывала – ведь это же её родина! К тому времени ей уже было присвоено звание «Отличник Народного образования».

Будучи директором школы, мама не только отдавала себя преподавательской деятельности, но и много сделала для благоустройства школы. Были заменены старые, ещё довоенные парты на новые столы и стулья, каждый год проводился косметический ремонт. Была асфальтированная дорожка от школы до нового корпуса. А самое главное – был построен двухэтажный каменный интернат для учеников из окружных сёл и деревень. Ведь раньше ребята каждый день проделывали путь в пять, а то и в семь километров (туда и обратно) до школы! И это в любую погоду – и в дождь, и в снег. Я знаю, как нелегко маме было «выбить» деньги на строительство. Но надо было знать этого человека. Она никогда не отступала перед трудностями. Одновременно с интернатом в школу было проведено центральное отопление.

И ещё я хочу отметить такой момент – как легко и одновременно тяжело было учиться у мамы. Тяжело было нам с братом. Помню, как бы хорошо я ни подготовилась к уроку, выше «четвёрки» она мне не ставила. Лишь в редких случаях я получала 5. Мои одноклассники говорили, общаясь с ней: «Софья Анфимовна! Ведь Света ответила отлично! Почему 4?» Мама отвечала: «Хорошо, но недостаточно, чтобы поставить 5!» Дома я её спрашивала с обидой: «Мама, почему?» А она мне отвечала: «Пойми, доча, я вижу, что ты знаешь, но не хочу выделять тебя, ведь все знают, что ты моя дочь! И ещё – это стимулирует тебя учиться ещё лучше, не давать повод пересудам типа «директорская дочка»». Мы с братом никогда не чувствовали себя какими-то особенными. Дружили и гуляли вместе со своими сверстниками. Ходили в фуфайках и валенках с калошами. Не потому, что нечего было надеть, а просто не хотели выделяться и подчеркивать, что мы учительские дети. И в голове у нас этого никогда не было.

А какие вечера под руководством мамы мы устраивали в школе! Чего только стоили наши КВН! На всю жизнь запомнила! Организация и оформление были на высоте. «Нижегородская ярмарка» - этот вечер-сказка! И всё своими силами! Мы с Лидой Кизловой всю ночь пекли блины, Коля Шихалёв и Саша Сальнов были коробейниками, на лотках которых были различные сувениры и сладости. Всё красочно, ярко – старались передать всю прелесть того далекого времени, когда в Нижнем Новгороде бушевали ярмарки. О нашей «Ярмарке» писали в местной газете!

Моя мама была не только замечательным педагогом, но и прекрасным человеком! В те времена в селе не было церкви (она была разрушена в 30-е годы XX столетия), и к маме шли, как к батюшке, со своими горестями и бедами. Всегда выслушает и поможет советом и не только. Никогда не оставалась равнодушной к просьбам своих односельчан. Однажды пришла женщина, у которой дебоширил муж, и мама нашла слова, чтобы утихомирить буяна. Приходили односельчане и просили помочь в какой-то судебной тяжбе, и мама, пользуясь своим положением и авторитетом, помогала всем!

А ещё мама была необычным любителем всего прекрасного. Помню, после уроков она собирала нас в классе, на стол ставился старенький проигрыватель и целая стопа больших виниловых пластинок. Мы слушали Шаляпина, его «Дубинушку», Чайковского. Рахманинова и знаменитые «Валенки» Лидии Руслановой. Теперь я понимаю, как важно было тогда, в детстве, привить нам любовь ко всему, о чём порой нельзя было прочесть в учебниках.

А как мама любила природу! До слёз, восторгов, до самозабвения! Весной, когда разливалась наша речушка Батманка и превращалась в огромный, бурлящий поток, заливая весь дол, мама водила нас с братом «слушать воду» - так она говорила. И мы стояли, замороженно слушая этот клекот и созерцая всю эту мощь разлива. В это время нас обычно отпускали на весенние каникулы, т.к. добраться до школы не представлялось никакой возможности не только детям, но и взрослым.

Потом прилетали скворцы и соловьи. Этот неповторимый щебет и трели вызывали трепет и восторг! И эти чувства я испытываю до сих пор.

Мне всё это передалось сполна! И любовь к природе, а особенно любовь к цветам. У меня их множество, летом мой дом утопает в цветах. Однажды у меня в гостях побывали работники местного телевидения (до них как-то дошли слухи, что на ул. Зелёная есть дом, похожий на оранжерею).

Сколько мудрого, хорошего и ценного вложила она в наши головы! Всё хорошее, что есть во мне, и думаю, не только во мне, - это заслуга замечательной женщины и педагога с большой буквы – моей мамы...

Я горжусь своей мамой!

Горда тем, что спустя сорок с лишним лет – её помнят и любят. Мне до сих пор пишут ученики с Дальнего Востока. Память о ней жива, пока живы её ученики! Даже небольшая публикация её рукописи в местной газете взбудоражила многих, кто её знал и учился у неё. Эта статья сподвигла мою одноклассницу Веру Куренкову написать и издать книжку о родном селе Новое и её замечательных жителях. Книжица называется «Рябиновые бусы». Вера даже начала писать стихи! Да какие! Одно или несколько из них войдёт в книгу о моей маме. И ведь она никогда не занималась писательской деятельностью, тем более не писала стихи. Говорит,

что как будто слова и фразы лились откуда-то сверху и ложились на бумагу!

Я благодарна моим одноклассникам и маминым ученицам – Галине Демидовой (Жарковой), Татьяне Сомовой (Калининой), Вере Погудиной (Куренковой) и всем, кто принимал участие в публикации этой рукописи!

Благодарю вас всех за память о прекрасном человеке – моей маме!

Светлана Ильичева

*СТРАНИЦЫ МОЕЙ ЖИЗНИ
РОДНОЕ СЕЛО*

Мое родное село Новое в старину называлось Красная Горка. Оба названия со значением. Красная Горка, потому что расположилось село на длинной горе, в любое время года, как бы подставленной под лучи его величества Солнца. А в конце 90-х годов прошлого столетия село Красная Горка сгорело дотла, но люди на месте погорелок с горем пополам отстроились и назвали свое село Новое.

Так и по сей день стоит село Новое. Расположено оно в 55 км. от города Горького. Для других это глухомань, ничего завидного, а для меня это – Родина в самом огромном значении этого великого слова.

Для других – село, как село, каких тысячи и тысячи, ничем не примечательное, но для нас, его жителей, наше Новое полно красоты и поэзии во всех отношениях.

Расположилось на горе вдоль оврага, большого и глубокого, буйно заросшего репейником, бузиной, диким вишенником и малинником, могучими ветлами, тополями, осинами и березами. Два порядка домов: Красный – с выходом окон на юг и Черный – с выходом окон на север. Эти порядки составляют центр села. Выше порядков шли еще два порядка, как бы два рукава от центра, под названием Костылиха: Нижняя Костылиха, зеленая улица с травой-муравой под ногами, широкими проулками спускается под гору к талам и заканчивается колодчиком «Ямкой», леском «Утинками» и глубокими оврагами под названием «Сиена Гора».

Верхняя Костылиха, подобная своей сестре, Нижней Костылихе, но идущая в небольшую горку, а за ней тоже овраги и главный из них - «Крутой Нос». Жителям Верхней Костылихи всегда завидовали: вид от их домов открывался необыкновенный: на гору Подувал, тальники, Галчьи Ночевки (ровное любимое место птиц) и дальние дали, далекие села: Курилово, Румянцево, Поляны.

Завершала село деревянная церковь, которая была как бы головой большой птицы, какую напоминало наше село с высоты жедринской горы; выселки, два порядка справа от церкви (домов 30), а за выселками в 150м от них, за околицей, на поле стояла хорошая ветряная мельница, на которую мы лазили. В ясные дни хорошо видно было красавицу Волгу и наш родной город Горький.

Самым близким соседом нашего села было село Жедрино, расположенное всего лишь через речку Батманку, в которой в летнюю пору воды «воробью по колено», и небольшой долок, засаженный ветлами. По долу шла улица под названием Завражье или Малое Жедрино, а там на высокой горе – большое Жедрино.

Сотни раз бывая в Жедрине, стоя на вершине горы, глядишь в сторону родного села – и дух захватывает – так оно хорошо! Особенно весной, когда цветут сады, (а сады в с. Новое знаменитые на всю округу: большие яблонево-вишневые сады). Стоишь на горе и любишься: село похоже на огромный самолет или птицу, телом которой является зеленый овраг, а крыльями- белоснежные сады. Какая- то особая теплота заливает твою душу в эти часы и минуты и жалеешь, что ты не поэт и не художник, чтоб запечатлеть эту красоту на полотне или в стихах!

Пря цветения садов в деревне-особая пора: даже сердце грубого (написано неразборчиво – Т.С.) она делает более добрым и податливым. Мужики и бабы нашего села, после работы, улучив любой момент, стремятся побыть в цветущем саду. Всегда

находится дело: что-подвязать, подрезать, подкопать, повозиться с пчелами (у кого есть), но обычно, конечно, побыть наедине с цветущим царством, что-то передумать, от чего-то отказаться, на что-то решиться.

Для деревенской детворы цветение садов, как правило, - это начало купального сезона в прудах. Большими ватагами отправлялись мы в детстве на Барский пруд и не вылезали из воды целыми днями. Барский пруд утопает в вишневых цветущих садах: берега его покрыты лужайками, на которые вылезали накупавшиеся до посинения мальчишки и девчонки, укладывались рядочками греться на солнышке. Прогрившись – опять в воду. Позабыв про еду, купались мы по 18-20 часов на день и хвастались, кто больше всех лазил в пруд.

Далекие, милые годы! Стоит закрыть глаза, как передо мною встают и эти дорогие лужайки, и этот пруд, покрытый лепестками цветущих вишен, и этот стон, и визг детворы, что стоящий над прудом день-деньской.

Особо надо сказать об овраге и Яле, как и наших Утинках и Крутом Носе, так и о наших ручьях и ближних лесах.

Овраг начинается от Корнилова дома и тянется метров на двести, становясь все глубже и шире. Овраг- это наше детство, наши игры зимой и летом, это полет и удовлетворение наших детских фантазий. Летом овраг напоминает большой парк – так он зелен, прямо-таки, непроходим. Но и через эти непролазные зеленые заросли умудрялись мы пролезать. Против дома дяди Тимы Парфенова, на краю оврага, стояла огромная ветла в 2-3 обхвата. У ее корней была большая яма, где все жители села добывали песок. Ветла всей своей кроной свешивалась над оврагом, и вот под ее огромным стволом возле ямы, проходила тропинка на другой, черный порядок. Бывало и жутко бежать по этой тропинке, но бежишь, и ровнее застучит сердце, если ты уже перелез овраги вышел к дому Стекловых.

В прятки играли-прятались в основном в овраге: в ямах, под кустами бузины или в лещинах.

Зимой прокладывали дорогу из школы по дну оврага,- шли и воображали, что идем дремучим лесом или диковинным дворянским садом.

Зимой овраг кишел ребятней всех возрастов: от 5 и до 15 лет. Сделав ложбинки в снегу, полив их, мы катались на задницах, протирая штаны и свои юбочки, за что дома здорово получали, когда представляли перед родителями замерзшие, с валенками, стучащими, как колодки, с подолами, стоящими колом. Такой вид катания – удел восьми- десятилеток. Детвора постарше каталась на самодельных широких лыжах с веревочкой, катались у Голиндейки, единственный колодец в овраге, с самой крутой горы. Выглядело это так: отчаянный сорвиголова, пригнувшись до предела, срывался с берега крутого оврага и камнем шел вниз, в считанные доли секунды достигал дна и, не успев распрямиться, вымахивал на другой берег оврага, более пологий у колодца.

Такое катание было делом подростков из 6, 7 класса. Мы, девчонки, ходили только глядеть на эти духзахватывающие зрелища. Были сорвиголовы и из нашего девчоночьего пола, наподобие моей младшей сестры, но это особая была девчонка – ничего не боялась: на лыжах ездить с крутых гор, на лошади скакать – ну истинный бес-мальчишка!

Овраг любили во все времена года, но забирал он в плен наши детские сердца ранней весной, когда прилетали грачи. Они прилетали и сразу садились в старые гнезда, на ветлах оврага. Какой гомон, какой шум поднимали грачи над оврагом! И всем

становилось радостно, особенно, нам, детям. Грачи каркали, орали, строили гнезда, а у нас своя работа: мы делали запруды из снега на краю оврага, копили воду, и когда ее было чуть ли не через край, распружали запруду на том конце, что был рядом с оврагом. Вода с бешеным ревом бросалась в овраг, а ребятня устремлялась на берега оврага и, как дикари, кричали, свистели, плясали от восторга. Овраг гудел! Все новые и новые потоки воды уносили с собой старье, что копилось в овраге за зиму: старые ведра, лапти, тряпки, какие-то обломки старых досок и прочего хлама.

Отстонал овраг, а ребятня опять за дело – строить новые пруды и запруды, копить воду, чтобы еще и еще раз ее выпустить в овраг и еще и еще раз поликовать над ее грохотом и шумом. Уже солнце сядет за Жедринский лес Гнилуши, уже грачи перестанут каркать над оврагом, лишь один-другой шарахнется в гнезде, а мы еще дядбим на краю оврага.

Весна для нас – радость, а для наших матерей – горе: это пора цыпок на руках, пора сырой, хоть выжми, обуви, пора сырых подолов и штанов, сырых пальтушек, пора законных ругани и шлепков.

Все это переносится без ропота и упрека: утром получаешь валенки, еле просохшие в печи за ночь, какие-то калоши, большие не по возрасту, и вновь отправляешься на овраг, на запруды, чтобы вновь пережить радостные минуты бешеного бега и шума воды.

Вторым занятием этого времени у мальчишек было делание скворечников, укрепление их на деревьях и ожидание скворцов, а у девчонок – хождение за корешками, под названием «свиной». Ходили чаще всего на берег Батманки, там на ее берегах, он, этот свиной, вымывался, и мы его выдирали, мыли и ели. Какая это была вкуснотища!

Однажды возьми да и зайди мы с подружками в поисках свиного на другой берег речки, долго бродили и не заметили, как к вечеру тронулась из оврагов вода, затопила она дол, речка вышла из берегов, мы прыгали по льду, что лежал еще в тальнике у мостика, через речку. Ну точь-в-точь зайцы деда Мазая. Вдруг льдина, через которую почти всей гурьбой благополучно перепрыгнули, подломилась под нашей одноклассницей Музой, мы и глазом моргнуть не успели, как ее потащило под мост. Девочка плыла, барахталась, кричала, пальто ее надулось на воде и имело форму какого-то колокола. Мы все стояли, ошеломленные: все молчали и никуда не бежали, просто в страхе и ужасе смотрели, как поток уносит нашу подружку.

Но обошлось все благополучно: у самого моста утопающую вытащил из воды и спас от неминуемой гибели дядя Степа Колов (он шел со стороны Жедрина и вовремя пришел на помощь.) «Потерпевшую» домой не повели, а пришли к бабушке Филисате Парфеновой и втроем-вчетвером засели на горячую печку. Бабка Филисата – женщина строгая, отругала нас изрядно, но пальтишко Музы выжала, повесила на ветру одежонку: платьишко, чулчишки тоже. Дотемна сидели на печи. Страшно Музе, а домой идти надо. Ругать ее дома сильно не ругали – уж очень испугались домашние, узнав от дяди Степы о происшествии. Слегка побранили только.

Теперь время рассказать о Яле. Яла – это дорога, идущая в гору, зажатая берегом оврага, на котором, как ласточкины гнезда, по самому его краю прилепились мазанки и амбарушки, и Черным порядком. Порядок лежит значительно выше дороги и дорога эта, Яла, напоминает небольшую, длинную впадину. Яла кончается там, где кончается овраг.

Яла многолюдна зимой, точнее, в зимние каникулы. С утра до вечера (да что там до вечера, в лунные ночи до двенадцати часов ночи) живет Яла своей шумной жизнью. Идет великое катание всех от мала до велика: катаются дети на салазках, мороженых коробах, катаются взрослые парни и девушки. Эти на больших коробах и даже на санях и дровнях, которые часто укатывали от конного двора или пожарки и которые чаще всего, накатавшись досыта, бросали ради озорства под самой горой, у кузницы или моста; а наутро какой-нибудь дед-конюх, кляня все и всех на свете, вел лошадку за целую версту, впрягал в чуть живые после ночи сани и ехал по своим делам: за водой или сеном.

Больше всего катались на коробах. Эта посуда была особенно любимой, потому что надежной – не упадешь, не перевернешься. Делался короб просто: бралась доска-сороковка, распиливалась на четыре части: две подлиннее, примерно по метру, а две-покороче – по 60 см. Короб сколачивался, к передку прибивался брус или просто полено и начиналась самая ответственная работа – замораживание короба. Для этого брали теплое коровье дерьмо, немного разводили водой и ляпали на дно короба слоем с большой палец, а то и потоньше. Это было сущее наказание, когда дерьма не хватало, а корова и не думала его нам «дарить», а короб надо морозить. Бывало и в долг брали это «золото».

И вот короб покрыт тонким зеленым слоем, затем его выставляют на мороз, слегка поливают и часа через два короб готов. Приколотят гвоздиком к передку веревочку, положат в короб сенца и – валят на гору! Катиться на коробе по Яле – дух захватывает от удовольствия и счастья.

Помню, как старший брат делал и морозил короб с раннего утра до позднего вечера. Мы с сестрой целый день торчали возле него, наблюдая за его колдовством. От еды и тепла отказывались. Часами морозили сопки возле нового короба, предвкушая радость катания вечером. Начинало смеркаться, когда короб был готов и наш горячо любимый брат оседлал своего намороженного коня, со свистом и гиком разбежался, уселся в короб и был таков! Укатил на Ялу! С превеликим ревом бежали мы за обманщиком.

А еще мы делали «гуся» – это когда соединяли вместе несколько коробов и катились этим «паровозом» от самой церкви. Как только наш «гусь» подлетал к Яле – скорость намороженных коробов была велика – мальчишки шапки теряли, у девчонок от страха замирала душа. Когда едет «гусь», уходи все с дороги. Это что неуправляемый вагон – все сметает на ходу!

Странное это было катание, но захватывающее: короба наши докатывались аж до Батманки. Иногда «гусь» терял свои короба, страшно было, но рук, ног никто не лишался. Правда, бывало, летели пуговицы, рвались подола, штаны, но ведь это пустяки по сравнению с тем удовольствием и счастьем, что мы получали на Яле.

За садами и огородами Красного порядка через низину – болотце, заросшее сплошь тальником – начинались Бугры: высокий косогор длиной на полверсты, заканчивающийся ровным плато, за которым начинались пашни. Гора Бугры для нашего села была своего рода заслоном от ветров. Хотя они и задевали село, но как-то вскользь, поверху.

Весной, после Оврага, Бугры занимали второе место в жизни деревенской ребятни. Как только начинает припекать и греть мартовское солнышко, как только заголубеет бездонное небо, появляются первые проталины на Буграх.

В первые дни это еще небольшие черные островки среди зернистого мартовского снега, потом становились эти черные заплатки-проталины побольше, и мы ватагами пробирались через огороды и тальник на Бугры. Часть проталин суха, часть подсыхает, струится парок над подсыхающей землей. Сбрасываем одежонку в кучу и начинаю свои любимые игры. Играем в третий лишний, в догонялки, в горелки и ручеек.

Здесь, на Буграх, в стороне от родительского глаза, мы по холодной еще земле пробуем бегать босиком. Это своего рода открытие летнего сезона ходить босиком.

Все лето - босые, обувь надевали лишь по большим праздникам. А если подростки начинали работать (а работать в колхозе начинали рано – с пятого класса, в течение всех летних каникул помогали семьям зарабатывать трудовни, на которые и получали хлебушко), то единственной раз и навсегда обувкой были лапти, между прочим – удобная обувь: в портяночках или носочке нога, как барыня – не натрет, не сожмет ногу.

Так вот, на Буграх носились босиком, раздетые, ошеломленные долгожданной весной и солнцем. Играли в «Ручеек», разбиваясь по парам. Мальчишки и девчонки пели песни, и нечетный мальчик или девочка выбирали себе пару, и это повторялось. Выбирали со значением, т.е., с наметившейся симпатией друг к другу. Выберет тебя твой сверстник-шестиклассник, дрогнет в тебе сердчишко, загорится ручонка в его руке. Бывало и так, что мальчик или девочка во время всей игры выбирали друг друга, и всем ясно становится – тут любовь. И начинаем после этого дразнить пару женихом и невестой, на всех мазанках, заборах и избах царапать крупно мелом: «СЕРЕЖА + ВЕРА=ЛЮБОВЬ».

На Бугры, бывало, бегаешь чуть ли не неделю. А как-то утром встаешь и ахнешь: Бугры задуло снегом! Весна капризна; подует Сиверко, принесет снег – и нет любимых проталин! Они появятся, но интерес к ним уже отпадет. На Бугры ребяташки придут уже в жаркую июльскую пору за клубникой, или, по-нашему, за крупляницей. Родилось ее на Буграх великое множество, особенно, в низинах, у болота и в чашевидной впадине у Спорного ключа.

Ах, какая вкусная и душистая эта ягода крупляника! По аромату и вкусу нет ей равных! Раздвинешь, бывало, траву и восхитят тебя красные крупные ягоды, лежащие кистями по земле. И собирали мы ее чаще всего в букеты. А больше всего рвали и ели. Букеты диковинных ягод приносили домой: маме и бабушке.

За Буграми, за Нижней Костылихой, начинались Утинки, маленький ореховый лесок. Приютились Утинки на самом припеке. Утинки – это первый лес, куда ступала наша детская нога, еще орешник не оденется, а мы с девчонками семи-восьмилетками шли за первыми цветами – подснежниками, хотя и это были далеко не подснежники, но радости от этого первого весеннего букета, принесенного домой и поставленного в стакан, была велика.

Утинки наполнялись детскими голосами и криками «ау» в начале августа. Целыми табунами отправлялись дети в Утинки уже за орехами. Орехи еще не поспели, лишь белые молочные завязи образовались в орехе, а мы их уже «громим». Нарываем их целые подолы, мальчишки целые рубахи и грызем. Грызем, а кислота шелухи страшная, слюней целый рот, оскомины набило от кислоты, а грызем! До тех пор грызем, пока в Утинках не останется ни ореха!

Утинки лежат на берегу крутого оврага с названием Сиены Горы – это огромный овраг, равный, может быть, Крутому Носу. Много оврагов вокруг нашего села, все они покрыты буйной травой, редкими деревьями. Наступает сенокос – овраги выкашивают.

Овраг же Сиены Горы абсолютно голый: ни травинки, ни кустика. И все эры нашей Земли ярко выступают здесь наружу. Прямо-таки Земля в разрезе: пласт за пластом, пласт за пластом, но больше всего ярко-красные пласты, широкие, кремневидные – поуже, серые и, как рисунок в вязании, оживляет белая нитка, так и тонкий белый слой оживляет разрез Сиенных Гор.

Девчонки боялись ходить в этот овраг: он был глухой и глубокий, мальчишки же в этом Овраге давали волю своим ребячьим фантазиям: рыли в овраге пещеры, играли в первобытных людей, воевали, иногда, и прятались в этом овраге от наказания за провинность – поди найди их там в этих пещерах!

Крутой Нос – интересная гора, какую нечасто встретишь в природе. Два очень больших и глубоких оврага сходятся вместе своими устьями, образуя при этом треугольный мысок, голый с обеих сторон. По середине мыска пролегает летом еле заметная тропка, протоптанная досужими мальчишками. Взбираться по этой тропке вверх – ответственное дело, вероятно, равное восхождению на Казбек. Немногие быстро и благополучно одолевали Крутой Нос. Бывало, что и скатывались вниз, таща за собой мелкую гальку и камешки, из которых состояла гора. Но тот, кто смел и настойчив, кряхтя, пыхтя, обдирая ногти, лез по тропке в десять сантиметров шириной и достигал вершины. Но здесь самое главное препятствие ожидало смельчаков – выбраться на ровную площадку, зажатую между двумя оврагами. Надо было так изловчиться, так суметь выкинуть свое тело, чтобы ты не полетел кубарем с 50-метровой высоты. И вот ты выбрался, от восторга орешь и пляшешь у одинокого дерева, что стоит на Крутом Носу, ты покоритель чуть ли не Эльбруса или Арарата!

Зимой ребята постарше пытались одолеть Крутой Нос на лыжах, но не поддавался он даже отпетым головушкам!

Хорошо наше село, слов нет, одно плохо – нет в селе воды: три колодца на все село. Один – чуть выше оврага, глубиной в 12 метров, второй, самый глубокий до 30 метров, в конце порядков, где начинается Костылиха, и последний – на Выселках. Из колодцев воду выкачивали бадьей, прикрепленной на цепи или тросе к валу. Цепи часто рвались, бадьи и ведра тонули. Когда их набиралось в колодце предостаточно, кого-то спускали в колодец с железной «кошкой» и вытаскивали ведра, чистили колодец. Ведра обычно были смяты в лепешку.

Летом во время полива воды в селе не хватало. Из колодцев вычерпывали ее до грязи. Лучше было тем, кто жил под горой – вдоль оврага. Они брали воду из Голиндейки, т.е. из овражного колодца.

В селе воды было мало, а вот за селом, окруженным горами и буграми, воды было столько, что хватило бы на весь сельсовет. Плохо то, что вода эта в виде ключей, бьющих из гор, колодцев, вырытых на месте сильных ключей у подножий их, была далеко от села, за садами и огородам.

Но жители нашего села любили свои ключи, брали из них воду на чай, пили ключевую воду, когда кому-то нездоровится. Каждый ключ имел свое название, довольно-таки поэтическое. Вот, например, Сикун. Этот ключ бьет тоненькой струйкой из-под горы Подувал. Так и окрестили его Сикун, не бежит, а сикает. Ребятишки бегают к Сикуну с бутылочками; приходят к ключу и взрослые, если в жаркий день сенокоса или жатвы работают в поле рядом с Сикуну. Идя на обед или вечером, обязательно припадут к тоненькой струйке живительной влаги, нацедят в ладони холодной, но мягкой воды ополоснуться. Сразу усталость – долой, идут до дома бодрые.

Выше Сикуна между двумя горами находится другой ключ Шуравка. Вода в нем стерильно прозрачная, ледяная. Ходят на Шуравку жители Верхней Костылихи.

Самым сильным ключом в селе был и остается Куриловский ключ. За этим ключом особо следят, периодически чистят, меняют колоду, в которой все село зимой и летом полоскает белье. Вода в ключе вкусная. Каждый раз, бывая на Куриловском ключе, пприхватишь ведро воды на чай.

Есть еще Парфенов ключ, был когда-то по силе равный Куриловскому, но его почему-то забросили, давно не чистили, и ждет он добрых, заботливых рук.

Далеко за селом, в конце Бойцовского дола, бьют из белой горы мощные Белые ключи. Бьют сильно, широко, в несколько рукавов, что сразу от них начинает течь речка и несет она водицу из Белых ключей до самой Волги. Воды на Белых Ключах не пей – обманет; досыта напиться невозможно – так она хороша, а напьешься досыта – увезут в больницу. Не раз случалось, что уводила на тот свет наших односельчан вкусная водица из Белых Ключей.

Во время пожаров, которые нередко случались в селе в довоенные годы, воду брали из пруда, из Красного Колодца и Жерела, колодцев больших, где вода была рядом. Рядом с этими колодцами и на берегу пруда располагались наши деревенские баньки. Хоть и ходить в них было далеко от дома, зато вода рядом.

За сельской околицей сразу начинались поля, на которых с испокон веков сеяли матушку-рожь, яровую пшеницу, овсы, горох, выращивали картофель. Родились хорошие клевера, вика и люцерна, которые шли на корм скоту.

Поля наши в большинстве своем были ровными (окрестности села, как бы все горы собрали вокруг себя).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *ЛЕСЯ*

Поля пересекались лесами и перелесками, которых нам вполне хватало и которые мы любили. Назывались наши леса несколько необычно и загадочно: Каменная Гора, Редкие Сосны, куда ходили за грибами и земляникой, а ближе к долу на Каменной Горе было много орешника, значит, ходили с детства сюда за орехами.

Самый ягодный лес - это Редкие Сосны, хоть и далековато идти, но бидон ярко-пахучей земляники обязательно принесешь. Сотни килограммов земляники подарят за ягодный сезон Редкие Сосны!

А еще есть лес Подшуба. Почему и отчего «Подшуба», никто не знает и вряд ли когда разгадает. Это лесок не велик, лежит сразу за селом, километрах в двух. Расположился он вдоль трех длинных и глубоких оврагов. Самый грибной лес! Родятся здесь в изобилии маслята, валуи, (по-нашему кулаки), белянки, грузди, рыжики. В грибную пору можно часто слышать: «Откуда несешь грибы?» - «Из Подшубы!», «Куда пошел?» - «В Подшубу». Для других странным покажется это название, а мы привыкли к своей Подшубе.

Но вряд ли во всей округе найдется лес, именуемый «Батовыми штанами». Батовы штаны, конечно, и напоминают штаны: две штанины леса разделены длинным долом, только в вершине соединяются, как штаны сходятся в очкуре. В Батовы штаны ходят за земляникой. И тут приходится слышать: «Где насобирали столько ягод?» - «В Батовых штанах», «Куда ребяташки побежали?» - «В Батовы штаны».

Лес деревенского жителя и кормит, и греет, и радует, и исцеляет, и растит детей с чутким сердцем и открытой душой.

Были рядом за селом небольшие дубовые рощи: Елево и Церковник. Не стало их – спилили дубы в войну на дрова и истопили. Не стало дубов в лесу – погиб и орешник, что жался по косогору к роще. Видимо, все в природе взаимосвязано крепкими связями. Обрубили связь-нарушили одно, погибло и другое.

ПОЛОВОДЬЕ

Живя тринадцать лет на Дальнем Востоке, я ни разу не видела половодья: редкое солнце начинало припекать, дул южняк,плыли туманы с гор, они съедали огромные снега как-то измором, да и редкая земля сразу впитывала весеннюю воду в себя. Не увидишь, бывало, даже ручейка, а уж если где-то на пригорке небольшой бойкий ручеек в солнечный денек, так спазм перехватит горло. И повеет от этого маленького ручейка чем-то родным, и так захочется уехать домой, услышать гомон грачей, свист скворцов и гул талых вод! Весна особенно бередила чувство тоски по дому.

Половодье – всегда половодье. Но половодье в нашем родном селе – особое половодье! К нему готовятся загодя: недели за две запасают корма для скота, хлеба и других продуктов для себя, топят бани, моются. Готовятся, ибо село внешними разливами будет отрезано от жизни на неделю, а то и более.

Все идет как бы по плану; прилетели грачи, наполнив шумом и криком овраг и все окрестности, побежали ручьи по Яле и Красному порядку, проснулся овраг в селе, но это еще не Половодье, это только прелюдия его. Ребятишки с нетерпением ждут главного: когда отпустят на каникулы. А на каникулы отпустят только тогда, когда нельзя пройти через доли, когда проснутся все овраги и буераги. Ждут этого часа и взрослые. Кое-где в надежде, что вода помилует, сделают переправу из длинных сосен (штук пять соединят железными скобами) притянут на тракторе, положат переход.

И вот с утра легкий морозец вроде бы ничего не предвещал, а к двум часам дня Ярило-Солнце так разъярится, так рассердится на спящие овраги, что те и впрямь очухаются, и все как созвонятся! И Крутой Нос и Сиены Горы и Подшубенский овраг и Жедринский сразу столько подпустят воды, что речонку Батманку не узнать, где она и была: одна широкая река разливается во весь дол, в него бурным грязным потоком впадает вода из Главного оврага, что в селе, и вся эта огромная масса воды мчится на дол Малого Жедрина, порой заливая и его, а там воды прибавляет из всех Жедринских оврагов, Дорога-гать не выдерживает и прорывается в нескольких местах, а поток образует сильные водопады: пена, брызги, шум не умолкает возле этих водопадов ни день ни ночь.

На второй день овраги не хотят остаться в долгу у Трудяги Солнца: воды добавляют в три раза больше. Ну уж тут держись: ничто не может остановить бешеных потоков воды! Все мосты, все переходы, что только накануне сделаны – все снесет к чертовой матери! А часто не выдерживают плотины прудов. Прорвет пруды – шум и рокот потоков слышны за версту! Прорвет пруды – садись и плыви на лодке! Только не водятся в нашем селе лодки, речку нашу Батманку перепрыгнуть можно.

И вот шумят весенние воды таким отчаянным шумом дня три-пять, и радостно это бешенство природы! Встанешь на пригорке, откуда видна вся эта затопленная огромная площадь, и радостно на душе, и сильнее стучит сердце в такт Весне, в такт Половодью.

Нет весны, нет половодья, или, как у нас зовут, Водополь, чтобы кто-то где-то не искупался в вешней ледяной купели. Чаще всего ребяташки, выплывая на водные просторы на утлой посудине в виде платяного корыта или какой колоды. Как-то мой десятилетний сын и такой же племянник выплыли на «корабле» из пенопласта (где его достали, понятия не имею), вывели «корабль» на бешеный гребень фарватера – и тут же погрузились на дно «морское»: корабль унесло, они барахтались, барахтались, выбрались с трудом на берег, притащились домой, насмерть перепугав родителей. Потом сутки отогревались и обсыхали.

Купались в вешних водах и хорошо подвыпившие мужики. Но ведь им что – море по колено! Через недельку вода сойдет. Уходила в Румянцевский луг, а там по речке Язени – в Озерку.

Прошло половодье, появились тропки, хоть грязища на дорогах непролазная – ни выхода, ни выезду – а ты ждешь с нетерпением первой травки, выгона скота в луга, первых клейких листочков березы. Ждешь праздника 1 Мая.

ДО ВОЙНЫ. СЕМЬЯ

Отца моего звали редким именем Анфим. Родился, заглянули в «Святцы» - ни одного святого в тот день не родилось, кроме старца Анфима. Вот и нарекли отца его именем. Родился отец в семье зажиточного кулака Василия Тимофеевича Парфенова, человека жестокого и грубого, но трудолюбивого. Страдали от крутого нрава дедушки Василия все: и жена, и дети, и работники.

В детстве, сам познав на себе унижения и тяжкую эксплуатацию (рано начал батрачить у богатого мельника), сам позднее, скопив денег, построив мельницу, выбившись в люди, стал эксплуататором круче своего хозяина.

Мельницу он строил не один раз: первую ветряную красавицу завтра должны были открывать, а ночью дотла сожгли. Конкуренты, мельники Ретивовы, не хотели, чтобы Василий Парфенов подорвал их дело. Но дедушка Василий, при всей присущей ему суровости, был человеком волевым, целеустремленным. Горе его не сломило: он вновь уходит в батраки, а малолетних сынов и жену сделал нищими; три года подряд они просили милостыню. За несколько лет, скопив деньги, вновь выстроил мельницу. Дневал и ночевал на ней. Подросли дети, их обратил в батраков: старшие сыновья трудились на полях, а младшие: мой отец и дядя Николай – с семи лет должны были быть на мельнице и постигать тайны ее камней, валов и крыльев. Когда сыновья освоили дело не хуже отца, тот и вовсе свалил всю работу по мельнице на них, а сам, к тому времени разбогатевав, построил лучший в селе дом, завел любовницу Дуню Морозову, жену, безропотную добрую женщину (нашу бабу Дуню), сделав рабыней, нещадно бил. Сынов обесправил, своим же правом считал унижать их, жать из них рабочие соки, насколько это позволяла его ненасытная натура. И так шло до его смерти. Умер он в 1921 году от рака пищевода: любил он огненный чаек и холодную водочку.

После смерти дедушки Василия мельница, как ярмо на шее, повисла на отца и дядю Николая: они рады бы сразу отдать ее государству. Куда лучше было бы, как и всем односельчанам, пахать землю и хлеб растить, но не тут -то было: пока не пришла пора национализировать мельницу, братья вели ее хозяйство и, надо сказать, незavidно. У того и другого были семьи. Мельнице отдавали много труда, чтобы свести концы с концами, чтобы прокормить детей. Продналоги, продразверстки и разного рода «твердые обложения» были знакомы отцу. И хотя мельница перешла государству

задолго до коллективизации, и отец, как и все, занимался хлебопашеством, в 1930 году его раскулачили, выселили из дома, оставив в одной половине его старуху – мать, бабу Дуню, или, как ее звали в селе, Дуню Добру за ее тихий и добрый нрав, за ее муки, что претерпела она от мужа, за ее повседневную помощь всем нищим и бедным людям: все находили у нее приют, кусок хлеба, меру ржи на семена.

И скиталась наша семья по чужим углам вплоть до 1936 года, до тех пор, когда баба Дуня стала совсем плоха. Вот тогда мы переехали в ее половину. Весной этого же года бабы Дуни не стало. Хоронили ее всем селом в самое половодье, в день святого Алексея, божьего человека, которому, наверное, больше всего молилась бабушка. Весна была ранняя. Коренные воды схлынули, по Красному порядку были уже проталины, дорожки у домов, под окнами на припеке подсохли, и маленькие девчушки с утра до вечера играли в классики, а Козловы ребяташки носились по порядку босиком. Дни стояли тихие, теплые солнечные. Но в день похорон снег с дождем испортил все наши тропки и от вечернего солнца не осталось и следа: небо пасмурное, сырое, серое, было затянуто тучами и как будто прохудилось. Весь день сеял и сеял то дождь, то снег через его огромное сито и, залепляя глаза провожающим, падал на холодное лицо покойной и не таял. Баба Дуня была набожным человеком, церкви была предана до последних дней (исполняла обязанности церковного старосты). Вечно в нашем доме частыми гостями были все дьячки, дети бедного попа Тараканова, живущего в страшной нужде, и сам Сицкий. Жил он с одной матушкой, когда – то закончил высшую духовную академию, хорошо знал математику и физику, помогал нам решать задачки.

После смерти бабы Дуни ее половина перешла нам, и у нас стала своя крыша над головой (во второй половине дома располагалась то контора колхоза, то ясли или опять наоборот).

Колхоз в нашем селе образовался в 1930 году. Организовывался, распадался, опять организовывался и только в третий раз, когда в колхоз вошло большинство крестьянских хозяйств, решили, что это навсегда, навечно. Стали придумывать название. Долго думали, ломали головы и, наконец, назвали колхоз «Третий решающий». Родителей моих приняли в колхоз в 1933 году после настойчивых просьб и заявлений отца. Колхозники решили, что Анфим – труженик, всю жизнь батрачил на отца, всю жизнь прожил в грязи и муке на мельнице, проспал на досках с сапогами или шапкой в головах. Определили его опять мельником на ту же мельницу, где тянул лямку с семи лет, но теперь уже – колхозную мельницу. Получал, как и все колхозники, хлеб на трудодни. Дело свое он знал хорошо, работал честно, без нареканий. Мельничное дело было делом всей жизни отца. Как капитан знает свой корабль, так и отец мой знал свою мельницу. Бывало, если и выпьет (грех такой водился за ним) придет домой – ни шума от него, ни ругани, ляжет на голый, пол шапку или кепку – под голову и скажет: «Анфим пьяный» и больше ничего. Спит, но во сне иногда вскрикивает слова, связанные с мельницей «Тимак, засыпай!» «Иван, наворачивай, наворачивай!». И как бы пьян ни был, услышав легкий ветерок, тут же вскакивал и бежал на мельницу,

Любое дело он делал с большой любовью. Столярничал, плотничал, бондарил, если была тихая погода и он не был занят на мельнице, любое дело доводил до конца. Делал он кадки, санки, ступы, песты и все изделия у него выходили аккуратными, красивыми. Все он делал по мерочке: пилил ли дрова, выкладывал ли поленницу, сажал ли картошку под лопату, делал ли гряды – все по веревочке, все по мерочке. Любил, чтобы красиво смотрелось. И только о себе забывал: мы никогда не видели его

празднично одетым, да у него и не было праздничной одежды: зимой и летом в потертой рабочей одежде, в лаптишках – летом, в растоптанных ушитых-переушитых валенках – зимой. Азарт трудолюбия отца заражал и нас, детей. Мы не знали, когда он спит: спать ложились – отец что-то стучит во дворе, встань, как угодно рано, он опять стучит.

В двадцать седьмом году у отца забрало руку в мельничную шестерню, измяло кисть. В эту ночь родилась я. И, как говаривала моя мама, родилась несчастливой.

Отвезли отца в больницу, там предложили отнять кисть, оставив большой и указательный пальцы – не согласился. Как он потом каялся. Волосы рвал на себе, но поздно: через два часа отняли правую руку по самое плечо – начался «антонов огонь».

Но и после, став без руки и инвалидом, по-прежнему пришел работал на мельнице, без которой жить не мог. По-прежнему работал до упаду, по-прежнему мастерил, приводя всех в восхищение. Подвыпив, часто говорил: «Не учен я, а если бы подучился, да обе руки имел, корабль (корабль) построил бы!» И верили: построил бы! Мельницу, что пришла в негодность, колхоз заново отделявал под его руководством.

Женат отец был дважды: первая жена – Глафира Клокова – умерла родами, оставив двух малолетних сынов, семи и пяти лет. Отец покрутился, повертелся – делать нечего: надо жениться, детям нужна мать, а в доме – хозяйка и мужу – жена. И выбрал он молоденькую 22-х летнюю вдовушку с четырехлетним сыном Колей, мою будущую маму. Разница в годах - 14 лет. Моя мама осталась сиротой еще до появления на свет. В престольный праздник ее отца, моего дедушку Семена убили ночью колом из-за угла, оставив вдовой девятнадцатилетнюю Настю на третьем месяце беременности.

Родив дочку Клавдию, т.е. мою маму, бабушка Настя двадцати лет от роду подалась искать счастья в Нижний Новгород, пристроилась на кухню к владельцу мельницами Башкерову, затем дослужилась до экономок, а девочку оставила на стариков-родителей. Из города слала ей гостинцы, наряды, но не это нужно было маленькой Клаве – ей нужна была материнская забота и ласка, а их не было, хотя старики в ней души не чаяли. Девочка росла замкнутым дичком. Подошли годы, расцвела, как яблонька весной, Клава: высокая, статная с умными серыми глазами на румянном лице, с русой чудо- косой до колен. Много парней заглядывалось на сероглазую красавицу, а выбрала она тихого Василия Топунова. Через год родила сына, познала первые радости матери и жены. Да только короткие были они, эти первые радости: погиб Василий на фронте в Гражданскую войну. Удивительны бывают совпадения в судьбах! Как мама моя была в зачатии, когда лишилась отца, так и сын ее был в матери, когда на фронте убили его отца! Ни мать, ни сын никогда не видели, да и не могли видеть, своих отцов, мать и сын росли сиротами.

Нелегко жилось молодой вдове с маленьким сыном в доме свекоров, среди золовок и старших снох: пожалеть было некому, а обидеть – каждому. Трудно гадать, что думала молодая женщина, выходя замуж за человека, старше себя на 14 лет, и на двоих детей, сама имея трехлетнего ребенка. И все-таки пошла в семью, где безраздельно господствовали власть и гнет дедушки Василия, где за столом садилась семья до шестнадцати человек. И все-таки, вероятно, думала молодая женщина не о себе, а о сыне, о его будущем, надеялась, что голодным и нищим в этой большой семье никогда не будет. Глядишь, и отчим не обидит: слыл он за человека умного, работающего, доброго, может, и приемного сына мастерству обучит наравне со своими детьми.

Шли годы, еще при жизни деда братья были отделены, мама моя стала хозяйкой в доме. Росли ребятишки: прикипела сердцем молодая мачеха и к старшим мальчикам:

Вале и Тиме. Сынов не баловали, рано приучали к крестьянскому труду, а потом и к столярному. Учились этому делу в Симбилеях у именитого австрийца Карла Ивановича. Старшего брата Валентина я мало знала: он как женился, уехал в город и редко по летам приезжал в родное село. Держался он как-то высокомерно, в отчий дом почти не заходил, нас, младших, почти, не признавал. Жена его Лидия имела на моих родителей какой-то зуб, видимо, из-за невеликого надела, каким наделяли молодых, отделяя из родной семьи. Последний раз я видела своего старшего брата на массовом гулянье в Симбилейском долу у Барского парка года за три до войны. Никогда не забыть этой горькой встречи! Узнав брата, мы, с сестрой, глупые маленькие девчонки, подошли к нему. Он был с Лидией. Лицо его обрадованно просияло (брат все же), он что-то шепнул своей жене, она фыркнула, начала что-то доказывать. Валентин сразу сник, начал что-то с извинениями нам говорить. На что нам были его слова; нам нужен был от него какой-то гостинец или 30 копеек на мороженое, которым бойко торговали по всему долу и которых у нас не было. (Отец наш уже сидел в тюрьме). Плелись мы с сестрой по пыльной дороге усталые и голодные и дали волю слезам. Как увидели маму, рассказали ей все о Валентине, о нашей горе, а она нас гладила по глупым головам и приговаривала: «Ну Бог с ним! Бог с ним!». Но знать, мучила совесть нашего брата; в конце войны прислал он нам письмо, в котором сообщал, что узнал о нашей сиротской доле (мы тогда жили уже без родителей: они покоились на кладбище), писал, что собирает нам посылку, что, как вернется домой, поможет нам. Не помог! Погиб Валентин в Берлине 9 мая, в самый день Победы!

Средний брат Тима жил с семьей на Выселках. Высок, плечист, силен особой мужской силой, ел за четверых. Бывало, если Тимофей обедает у нас, то каравая хлеба недосчитается. О том, как любил поесть наш брат, о его волчьем аппетите ходили в селе невыдуманные рассказы. Раз (это было достоверно точно) Тимофей сдал свиную тушу в столовую совхоза «Коминтерн», что находилась в двух километрах от села. Когда договорились, он выговорил необычный магарыч – накормить его досыта. Повар и зав. столовой только посмеялись: чего проще – в столовой накормить одного человека. Дело было к вечеру, еда в столовой была на исходе. Но уж одного-то накормить хватит! Хватит и на пятерых! Но каков был конфуз и удивление повара, когда он принес четыре чашки щей, а их Тимофей опрокидывал, как в бездонную бочку, уже и щи кончились, второе – на очереди. И оно все съедено. Компот весь выпит, большая булка хлеба съедена. Оторопел повар, развел руками и говорит: «Ну, парень, отроду такого едока не видывал! Приходи завтра – сегодня кормить нечем!» Засмеялся Тимофей, погладил брюхо, поблагодарил повара, откланялся. На прощанье сказал: «Знай наших!»

Силой своей славился еще смолоду. В пятнадцать лет таскал мешки с мукой по шесть пудов, и ничего с ним не случилось. До войны выучился Тима пчеловодству, и был колхозным пчеловодом до самого ухода на фронт. Тиму мы любили. Часто бывали у него на пчельнике. Он баловал нас медком и тепловым ласковым словом. Погиб он под Орлом, оставив больную жену Марусю и троих малолетних детей. Маруся умерла, не дождавшись конца войны, а дети познали всю горечь послевоенного голодного сиротства.

Наша мама от второго брака родила семь дочерей, но выжили после всех детских эпидемий и болезней только три девочки: я, сестренка годом моложе меня и младшая сестра Валя, на семь лет младше нас погодок. Другие сестренки умирали, не дожив до года, двух лет. Когда мы были маленькими, мама часто болела. Болела тяжело и подолгу

тифом, дифтеритом. Лежала по полгода. Никто и не думал, что она останется жить: страшно худая, она напоминала сухую мумию. Но молодость и здоровое сердце победили; выздоровела наша мама, вернулась к малолетним детям.

Вся забота о нас, девочках-погодках шести-семи лет, во время болезни мамы выпала на долю бабушки Настасьи, которая в то время жила в селе Подлесово, за 15 верст от нас, и вынуждена то приезжать к нам, то брать нас к себе в Подлесово. Нелегко ей было с нами! Но не меньше помучался с нами наш брат Николай, был он старше нас на 9 лет. Он был для нас и мамкой и нянькой! Таскал нас всюду за собой: одну – на шею, другую – за руку – и на пруд. Посадит нас с сестрой в колоду, оттолкнет от берега на середину большого и глубоко пруда, а сам купается. Брат научил нас в это лето плавать...

На этом, к большому сожалению, рукопись заканчивается.

Софья Анфимовна Ильичева родилась в селе Новое Дальнеконстантиновского района в 1927 году в большой семье, жизнь которой она описывает в своих воспоминаниях, и все ее детство прошло в этом селе. Повзрослев, закончив школу, как и многие молодые люди, уехала в город. Длительное время жила на Дальнем Востоке. Вернулась в родное село в семидесятые годы директором нашей Ново -Жедринской школы, в которой проработала до 1980 года. Софья Анфимовна преподавала уроки русского языка и литературы. Ее уроки литературы многие, наверное, запомнили на всю жизнь. Как она читала нам - старшеклассникам, на уроках отрывки из романа «Война и мир» или Шолохова «Тихий Дон»! Мы слушали, затаив дыхание, со слезами на глазах. Литература был наш любимый предмет. Многие её ученики, после окончания школы пошли по её стопам, поступили в педагогический институт и долгие годы работали учителями русского языка и литературы.

В 2001 году, когда мы готовились к первому нашему празднику села, сестра Софьи Анфимовны, Зоя Анфимовна, передала мне черную тетрадь с воспоминаниями о нашем селе, о своей семье, небольшими рассказами, Тетрадь была использована на празднике и долгое время пролежала у меня с другими сельскими реликвиями.

Уйдя на пенсию и занявшись сельскими общественными делами, перебирая вещи, которые имеют отношение к нашему селу, я обнаружила эту тетрадь и, перечитав её, захотела опубликовать. Ведь мое детство прошло тоже в этих местах и многие описания до боли знакомы. Да и наши односельчане в этих описаниях также узнают свое детство. А наши дети, подрастая, будут сравнивать и, хочется верить, сохранять те места, что стоят веками.

Демидова (Жаркова) Галина Александровна

Из тетради Софьи Анфимовны «Черновики. Наброски.»

(первая страница отсутствует...)

...Опять вспомнили о котенке – наверное, замерз.

И вот после холодов наступили теплые, благодатные дни! Солнца – хоть давай взаймы!

Иду как-то таким удивительным утром в огород посмотреть на плоды своих рук, вижу: под кустом жасмина, на припеке, дремлет, развалившись, Мурка, а к ней, как прилип, присосался котенок. Идиллия, а не картина! Подхожу ближе – люблюсь, еще ближе – хочу поймать котенка и отнести к соседке на воспитание, но только руку направляю к нему, как «...пфр...!!!» и котенок в три прыжка исчез под кустом крыжовника. Поди, попробуй, достань его! У него – космическая скорость, а ты – человек.

Много раз в течение лета были такие встречи в огороде, в саду, на территории двора. Пытаюсь ловить Дикаря (так назвали мы котика, думая, что это именно котик: повадки какие-то озорные, мальчишеские повадки) – впустую.

Но шаг на сближение с людьми сделала сама Мурка. Она привела Дикаренка в сени хозяйки, где и жил он с Муркой до глубокой осени.

Как жил? – Просто приходил пить молоко, пожевать что-то и спастись от непогоды.

Наступил печальный день для Дикаря. В начале октября соседка моя уехала на новое место жительства, захватив с собой кошку Мурку. С этой было просто: поймали, посадили в портфель и – в кабину трактора, где она чинно и благородно перекочевала за 20 километров. Поймать Дикаря было невозможно! И он остался. Один! Один на всем белом свете!

Октябрь выдался мокрый, грязный, холодный. Котенок ходил в сени к старой хозяйке, но там не было уже ни хлеба, ни молока. Котенок жалобно мяукал.

Сердце мое разрывалось от жалости. Но как приручить Дикаря? Как его заманить к себе домой?

Видя его на улице, сидящего то на столбике палисадника, то на дровах, жалкого, еле попискивающего, манила к себе. Но, увы! Бесполезно!

В двадцатых числах октября выпал глубокий снег. На дворе – настоящая зима! Все бело, грязи нет. Ребятишки и в самом деле взялись за санки и – на горку.

Совсем плохо прищлось Дикарю. Поселился он под нашим коридором и постоянно жалобно мяукал. Надо было спасать малыша во что бы то ни стало.

Стала я класть хлеб, мясо в коридор. Вижу: исчезают продукты. Значит, приходит есть.

Однажды он забежал в коридор. Я не растерялась, закрыла лаз, открыла дверь в квартиру. И через несколько мгновений Дикарь мой – в квартире. Дикарь – в квартире!

Это уже новая страница в его жизни и в моей: я волей-неволей стала дрессировщицей кошки, причем, не простой, домашней, а дикой кошки!

Первые часы Дикаря в тепле, видимо, отогрели его. Он вылез из засады (в первый миг спрятался под плиту), алчно начал хватать хлеб, кашу и шумно лакать молоко. Насытившись, снова улезал в укрытие.

Так прошло около недели. Дикарь немного осмелел, начал после еды укладываться на мягких дорожках, на подстилочке, которую я ему приготовила. Спит, а беспокойно: стоит подойти поближе – шик, и нет его!

Думаю, что же делать? Надо же на улицу его приваживать как-то? Но как? Однажды вижу: сидит на порожке. Попробовать – выпустить? Опять убежит! Открыла дверь – убежал, но к ночи вернулся домой! Сколько радости было у меня! Это победа! Дикарь «сознательно» вернулся домой!

В эти осенние дни в большом доме я находилась одна, и возня с Дикарем как-то заполняла мое одиночество. Я стала разговаривать с котиком: «Дикарь, ты мой милый, хороший... Вот тебе хлебушка, вот молочка. Что ты меня боишься, глупый?»

А он и правда, как будто слушал и понимал меня. Чем больше я с ним разговаривала, тем лучше налаживались наши отношения.

Как-то дала ему мясо. Он ел, урчал, а я, разговаривая с ним, решила погладить его. Изогнулся весь, но не убежал. Я несколько раз погладила его по спине. Дикарь дал погладить себя! Это тоже – победа!

Но восторгам моим и восхищению не было конца, когда на исходе третьей недели мой любимец забрался ко мне на колени! Я, затаив дыхание, сидела, бросив работу, а он дремал и так сладко мурлыкал! До этого он позволял себе лежать только у моих ног. А тут награда – доверие, полное доверие: почти на моих руках улегся спать.

Так и потекли дни...

Дикарь стал всеобщим любимцем. Красивый, большой, он уже чувствовал себя хозяином квартиры. Любимое место у него – подставка под обувь. Иногда забирается на журнальный столик и нежится на подшивках газет. А иногда заберется в мою корзинку с рукоделием и перепутает все клубки. Словом, живет полной жизнью.

Вот какой у нас Дикарь! И никакой он не дикарь, а настоящий домашний котик. Правда, прошедший через хорошую «школу мужества» и моих терпения и веры!

Катенька

В старшей ясельной группе шел завтрак. Дети, их было человек тридцать, сидели за столиками по четверо, сидели тихо и чинно, без стука и шороха управлялись с едой. Позавидовать можно было этой тишине и порядку. С ними находилась воспитательница, молодая обаятельная женщина. Увидев меня в двери, что вела в раздевалку, она поздоровалась кивком головы и как бы глазами сказала: сейчас подойду. Через несколько минут она подошла ко мне. Мы обменялись несколькими фразами касательно моего дела, как вдруг из столовой послышались всхлипывания. Тишина была нарушена. Дети зашептались, заерзали на стульчиках. Воспитательница ушла к детям, призвала их к порядку. Затем подошла к девочке и приказала: «Катенька, встань из-за стола». Вслед за этим она привела в раздевалку девочку лет трех, посадила на стульчик, а сама ушла к детям, которые заканчивали завтрак.

Девочка сидела на стульчике и громко плакала.

У меня было время ее внимательно рассмотреть. Она была из тех детей, которые обращают на себя внимание и долго не забываются. Для своих трех лет она выглядела рослой, упитанной, ухоженной. Лицо ее – круглое, с яркими и пышными щечками. Глаза ее – большие, серо-зеленые с густыми ресницами. Нос в данный момент, конечно, был похож на маленькую, мокрую картошинку. Волосы соломенного цвета распушены

по плечам. Одета она была в сарафанчик из джинсовой синей ткани и белую блузку с пышными рукавчиками. Голубые колготки и черные лакированные сандалики дополняли ее продуманный наряд. Но особенно хорош был сарафанчик! Сшитый очень ладно, с карманами, на которых красовались вышитые гладью цветы, с рассыпанными по подолу голубыми незабудками, он придавал наряду особую праздничность.

И вот эта девочка-куколка плакала. И плакала-то она необыкновенно, не так, как плачут все дети. Она не ревела, не голосила, не приговаривала, а плакала молча, горько всхлипывая. По ее лицу градом текли крупные слезы. Она их утирала опять-таки каким-своим особенным манером. В ее руках был большой носовой платок. Так она его не комкала, чтобы вытереть слезы, а, расправив платок перед собой, как флаг, покрывала им лицо. Так она делала постоянно, лицо почти всегда было закрыто. Платок весь промок.

Я попыталась утешить девочку. Она на миг примолкла, а потом опять принялась всхлипывать и покрывать свое милое лицо платком-флагом.

Пришла воспитательница, взяла девочку за руку. Та окончательно примолкла. Спрашиваю, кто обидел эту славную девчущку? В ответ слышу:

- Никто. Она у нас новенькая. Вот не отходит от меня, да и все тут. Пока я с ней, девочка молчит и даже играет и поет. Стоит отойти - гор-кие слезы. А детей много, и не могу я ее целый день за ручку держать. И так, по возможности, всегда с ней. Ничего, привыкнет, плакать не станет.

Так вот оно что! Бедная девочка. Она так тяжело переживает разлуку с мамой. Ей нужна мама, о которой скучает сразу, как только за ней закрывается утром дверь детского сада. Я уходила с тяжелым чувством. Мне было жалко Катеньку, плачущую Катеньку, которая еще долго стояла у меня перед глазами.

Через несколько месяцев я опять спросила о ней в детском саду. Говорят, что все в порядке, Катенька больше не плачет. Озорница, проказница, хохотунья!

Вот, оказывается, как ВАЖНО привыкнуть, и как ТРУДНО привыкнуть к новой обстановке, особенно ребенку...

Она дала нам знания и ласку,

Уверенность и сердца теплоту.

Манила в Космос,

уводила в сказку.

И помогла осуществить мечту.

Нам жизнь до капли отдает учитель!

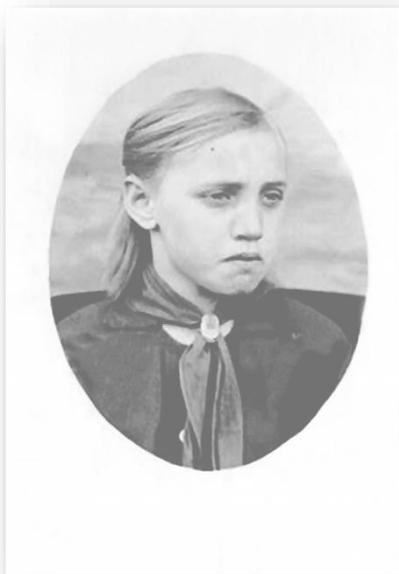
Открыли,

На полвека став взрослей.

Своим вы детям, внукам накажите:

«Не смейте забывать учителя!»

Соня – пионерка

Военная игра, 1940 год. Софья Анфимовна в первом ряду в центре

Учительский коллектив поселка Мыс Лазарев, Дальний Восток

г. Кострома. Студенческие годы

у доски Вова Носков, младший брат Гены Носкова, 1976г

10«б» класс, 1978г.

с. Жедрино, Софья Анфимовна с ученицами

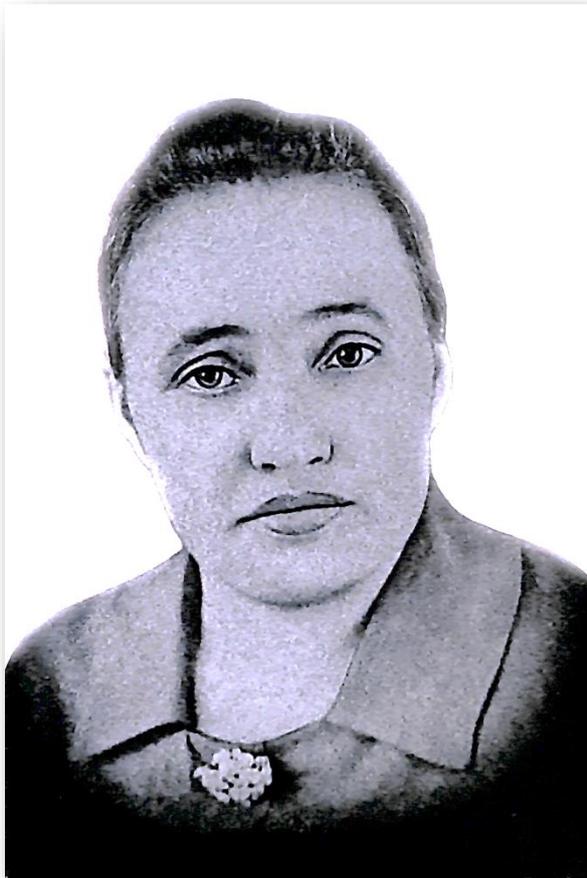
Учительский коллектив, с. Жедрино

Учительский коллектив, с. Жедрино, 1967 год

1967 г. Н-Жедринская средняя школа

г. Кострома

г. Кострома. студенческие годы

Мама и Муза Стеклова. Юность

1. Почему ли я первый урок?

О да! Конечно, потому во всех газетах и много на радио потому, что я не просто писала. Темновидец, готовилась, а пришла в классе (6 кл., урок русского языка, 1952 г.) и - заговорила. Конечно, так много прибавлялась до начала урока, что урок вообще было самое начало, ушки молодого сверчки. За все урок затеяли из приключений. Когда и сподвигла, было поздно: прозвучало звонок. Зорково ли осветилось за тот урок. Попытана и морально. Но хотелось и только урок, и мобилизовать себя, собраться все было и знания в классе и для урок на отменно. Так и пошло дело. За перерывами ку и перерывами охоту "5", и восторг на провал первого урока.

Работу и свою любовь, охоту - охоту. Свои прирост, своих ушкиков. Свою профессию ушкики и крашиски и на какую дружно.

2. Чем занимается? А это почит. Если сеть, то лотом отдают по идее, тинно. Любовь руководить, но охоту резко приросте из-за молодости вращении.

3. А на вопрос: что ли больше всего нравится бездушными ушками? Ответило: упрямство, доброту, откровенность, ушки - потому, что море в свободу и ширину. Это и в первую очередь любовь. Но об ушкиках море 10² кл. Эти такти: доброту, ширину, откровенность. Их охоту мобилизовать. Это и нравится? - Упрямство, восторг, мобилизовать, любовь, отсужетствие зазора, охотка, ширината.

Но все-то их ученико почитать, заниматься все-то надо или руководить. В этом отдалении, например, от границей 50² год. 4. Вы спрашиваете, сеть ли ушки, мобилизовать? Конечно, сеть. Все, кто хорошо учится, кто инициативен, творит, трудолюбив, верен. И таких ушкиков, может охоту много. Вдруг, сколько у меня "мобилизовать" - Поликарп!

5. Я выслушал за 22 часа урока. Вотти - сонни ушкиков. Почти всех похитно. Со мной перемена. Многие похитно охотились, потому, что их шире забавы, ибо то были шире упрямство. Это охоту охотились дети такти как:

Светлана Стимашова (на-
и актриса), Софья Жузи-
нов (ныне физик-атомщик)
Света Исоиникова (аетро-
ион), Слава Шибельков
кашмон савишо ма-
ваша), Света Мачкевич
(волок), Сил Дряклова,
Таня Мурадова и мно-
гие др. Уши кушаван и
которых отамо много
проби ерота, но цу кото-
рых выходиш коронши
мори.

В. Скоро наш прадрник,
прадрник учитель. От
вай души поздравлю
моих дорогие товари-
иши по труду, пешаю
вам хорошию отовха
и вельва в тот

прадрник, доброго здо-
ровья, успехов в труде.
С. А. Шибельва.

С. Шибельва